

Экономисты и их фан-клубы: распределение признания в российской экономической науке*

Михаил Соколов

Профессор факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1а, Санкт-Петербург 191186

E-mail: msokolov@eu.spb.ru

Мария Сафонова

Доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, Санкт-Петербург 192171

E-mail: msafonova@hse.ru

Что определяет восприятие учеными-экономистами работ своих коллег как «важных» или «значимых»? Нормативный ответ на этот вопрос предполагает, что профессиональное признание зависит исключительно от качества опубликованных работ. Со времен Мертона социология науки изучала иные, более спорные основания для распределения признания — давление авторитета («эффект Матфея»), различные эпистемические культуры, желание поддержать представителей своей школы или своего политического лагеря. В этой статье мы исследуем истоки интеллектуальных предпочтений российских обществоведов. Данные для анализа взяты из репутационного опроса 3563 российских академических экономистов. Мы использовали алгоритм нахождения сообществ Ньюмана для того, чтобы выделить группы имен, обычно называвшихся вместе, и группы тех, кто номинировал их. Далее мы пытались обнаружить общие характеристики аудиторий и тем самым определить, какие факторы предсказывают номинации респондентами тех или иных фигур как «внесших вклад в экономическую науку». Полученная классификация сообществ является гетерогенной, отражая разнородность оснований для формирования предпочтений. Основным предиктором оказывается специализация номинирующих.

Особенно в полуавтономных субдисциплинах (бухгалтерский учет, аграрная экономика); голоса распределялись среди специалистов в своей области, несмотря на то что формулировка вопроса прямо требовала назвать имена внесших вклад в российскую экономическую науку в целом. Предпочтения тех, кто не руководствуется «локальным патриотизмом», в значительной мере определяются двумя факторами: (1) ориентацией голосующих на глобальную или локальную науку и частично, но не полностью, пересекающейся с ней ориентацией на открытую рыночную или автаркичную изолированную национальную экономику, и (2) пониманием «вклада в экономическую науку» как узкоакадемического или более широкого общественно-политического. В итоге мы можем говорить о двумерном пространстве интеллектуальных предпочтений, структурированном (1) оппозицией между глобально-рыночной и локально-изоляционистской ориентацией и (2) предпочтением «журнальной» или «газетной» науки.

Ключевые слова: социология науки, социология экономики, экономическая наука в России, академическая репутация, профессиональное признание

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 21-18-00519).

Благодарности: Авторы благодарны за советы и консультации при составлении программы исследования и разработке опросника А. и И. Абалкиным, А. Беялину, Ю. Вымятниковой, К. Губе, Д. Герасченко, А. Либману, Ю. Раскиной, Д. Раскову, Е. Чечик и А. Яковлеву. Мы также хотели бы поблагодарить В. Глухова (компания Elibrary) за организационную поддержку реализации проекта, и П. и Ю. Степанцовых (компания Synopsis) за дизайн и программирование анкеты.

Данная статья является продолжением двух других. В первой предлагалась теоретическая модель академической коммуникации, в рамках которой взаимодействие между учеными понималось как преимущественно церемониальная активность, целью и основным результатом которой являются изменения в идентичностях ее участников (Соколов, 2021). Эта модель, черпающая вдохновение в работах Э. Гоффмана (Goffman, 1963, 1967), основывается на следующих предположениях. Взаимодействуя с коллегами, мы передаем им информацию о новых результатах наших исследований. Это является официальной целью научной коммуникации. Одновременно мы сообщаем — вольно или невольно — информацию о себе (например, что мы считаем ту или иную информацию новой). Далее из реакций коллег на наши сообщения мы и окружающие можем понять, как они воспринимают наши сообщения (например, считают ли они эту информацию новой и заслуживающей внимания) и как они представляют себе реакции друг друга. Когда журнал публикует статью, он сигнализирует тем самым о том, что редакция считает, что ее авторам есть что сказать читателям¹. Цитируя, читатели показывают, что считают ее оригинальным и заслуживающим доверия источником. Любая форма реакции на высказывания коллег (включая — и даже в первую очередь — полное отсутствие реакции) тем самым является жестом признания, распределяющим между ними символический капитал. Степень произвола аудитории в распределении этого символического капитала, однако, ограничена тем, что любой жест признания становится частью собственной идентичности признающего. Когда мы цитируем статью, мы сообщаем о себе, что считаем ее заслуживающей этого, и вынуждены считаться уже с тем, как наша аудитория оценит это суждение. Любая форма реакции становится одновременно частью идентичности и того, на кого реагируют, и тех, кто реагирует. В предложенной модели эта, церемониальная, сторона научной коммуникации, безусловно, доминирует над ее номинальным содержанием. Легко представить себе, почему это может быть так в эпоху формальных оценок научной производительности, которые основаны на механическом подсчете стандартизированных реакций (публикаций, цитирований).

В этой первой статье утверждалось, что естественной формой организации академических сообществ являются круги взаимного признания, или «сцены». Находящиеся на одной «сцене» ученые признают работы друг друга значимыми. Кроме того, они, как правило, молчаливо, соучаствуют в признании тех, кто находится за пределами «сцены», несуществующими (см. также: Sokolov, 2023). В этой статье анализируется другая сторона организации социально-научных дисциплин, как формы церемониальной активности. Она описывается здесь как состоящая из частично пересекающихся аудиторий, которые публично признают одни и те же фигуры. Признав кого-то авторитетной фигурой, мы таким образом связываем свою репутацию с ее репутацией: те, кто отрицает, что эта фигура производит образцовую работу, таким образом отрицает и то, что мы способны отделить

1. И невольно — о том, что авторы, которые могут сообщить читателям больше, видимо, предпочитают другие журналы.

хорошую работу от плохой. В их глазах наш выбор является проявлением плохого интеллектуального вкуса. Ближайшим неакадемическим аналогом таких аудиторий будут фан-клубы, объединяющие поклонников той или иной знаменитости, и мы будем иногда называть их этим именем².

Во второй статье, продолжением которой является нынешняя, были представлены итоги репутационного опроса экономистов. Построенные на опросах рейтинги затем сравнивались в ней с наукометрическими показателями (Соколов, Чечик, 2022). В этой работе мы используем те же данные, чтобы понять, как устроены «группы поддержки», разделяющие общие представления о том, кто внес существенный вклад в науку. Ценность данного исследования как источника состоит в том, что, хотя его участники распределяли некоторые публично видимые знаки признания, это распределение производилось анонимно и никак не отражалось на их собственной идентичности. Таким образом, они не были ограничены заботой о поддержании собственного лица, которая присутствует, например, в ситуации цитирования.

Изучение «групп поддержки» или «фан-клубов» может считаться подходом к проблеме, которая находилась в центре внимания социологии науки с момента ее возникновения — проблеме распределения профессионального признания (recognition) (Merton, 1968). Ученые производят новую информацию и безвозмездно передают ее в пользование коллегам в обмен на публичное признание их заслуг (Merton, 1988; Stephan, 1996). Это признание является источником как субъективного удовлетворения, так и экономического вознаграждения в форме возможности получить привлекательную позицию на рынке академического труда (Whitley, 1984).

Почему, однако, ученые признают именно тех, кого они признают? Существуют по крайней мере четыре версии ответа на этот вопрос, не обязательно противоречащие друг другу. Первая, *нормативная*, утверждает, что за признанием стоит качество признаваемой работы (Polanyi, Ziman, Fuller, 2000). Ученые распределяют символический капитал, опираясь исключительно на свои представления о важности того или иного результата; они исходят из того, что их коллеги полностью разделяют эти представления (или, во всяком случае, осознание различий никак не влияет на их решения признавать или не признавать кого-то). ИмPLICITно на нормативную версию опирается любая оценка достижений ученых с опорой на суждения их коллег, или высказанные прямо в ходе экспертизы, или узнанной косвенно, например, при подсчете цитирований.

2. Придумать слово, которым можно было бы обозначить подобные объединения, оказалось достаточно затруднительно. Используя политическую аналогию, мы могли бы говорить об «электоратах» (Агафонов и Соколов, 2023), а используя культурную — об «аудиториях», «кругах почитателей» или «фан-группах». Любое из этих определений, однако, стилистически и семантически оставляет желать лучшего.

Остальные три версии ответа на вопрос о природе признания предполагают, однако, что его распределение подвержено воздействию иных факторов, отличных от абсолютных достоинств оцениваемой работы.

Прежде всего, ученые могут иметь разные и иногда слабо согласующиеся представления о том, что такое «заслуги» и «достижения» в той или иной области, тем самым представляя разные *эпистемические культуры* (Knorr-Cetina, 1991; Lamont, 2009. Об экономистах — Fourcade, 2009). Хотя все они голосуют за работы, которые считают лучшими, достанется ли А голос В определяется не только качеством работы А, но и тем, принадлежат ли они к одной эпистемической культуре. В социальных науках чаще всего противопоставляются позитивистские и антипозитивистские течения, маркером принадлежности к которым часто выступает использование математики. Другим, но связанным, является противопоставление по признаку доминирующих продуктов, или наиболее ценимых результатов — например, журнальных статей, монографий или учебников (Clemens et al., 1995). Одна из подобных культур может доминировать в данном академическом мире, а остальные — занимать подчиненное положение. Сегодня повсеместно доминирующей становится журнальная культура — за счет того, что журнальные публикации стали основным инструментом формальной оценки научной результативности во многих странах. Поскольку некоторые жанры исследований — в особенности количественные, использующие математику — легче превращаются в журнальные статьи, чем исторические или чисто теоретические, они часто становятся элементами той же доминирующей статусной культуры. В результате в социологии и родственных дисциплинах возникает культурная стратификация. Наверху оказывается элитарная социология, более обеспеченная экономически, производящая статьи и демонстрирующая (по поводу и без) свои навыки количественного анализа. Внизу — массовая, читающая и пишущая (или переписывающая) чужие учебники (Stinchcombe, 1999). Однако массы, даже если они получают меньше денег и пользуются меньшим престижем, не обязательно соглашались с тем, что наука, которой они занимаются, хуже. Ресентимент может побуждать их энергично отвергать статусную культуру и хранить верность своим авторитетам. Тогда они превращаются в некое подобие статусной контркультуры.

Далее, для того чтобы В проголосовал за А, необходимо, чтобы он/она был в курсе ее/его работ. Здесь появляется еще один класс объяснений распределения признания, *коммуникативные*, начинающиеся с работ Р. Мертона. Мертон пытался найти объяснение тому, что научное сообщество предельно стратифицировано, со львиной долей признания, достигающей сравнительно небольшому числу исследователей (Merton, 1968). Не отрицая, что неравномерное распределение таланта имеет место, Мертон привлекал внимание к роли коммуникативных и институциональных механизмов, которые приводят к тому, что признание накапливается в руках тех, у кого его уже много («эффект Матфея»). Например, потому, что имена ученых, однажды опубликовавших известную работу, превращаются в распознаваемый аудиторией сигнал (van Dalen, Henkens, 2005), и их новые рабо-

ты привлекают повышенное внимание к себе и воспринимаются с большим доверием. К коммуникативным объяснениям можно отнести и указание на эффекты институциональных границ: мы узнаем не о самых релевантных работах, а о работах, которые относятся к нашей области (поскольку каналы профессиональной коммуникации обычно связывают специалистов в одной области, а требования владеть литературой в своей дисциплине насаждаются строже (Sokolov, 2023)), и, соответственно, наше пространство внимания ограничено довольно произвольными (суб)дисциплинарными рамками.

Политические объяснения распределения признания находятся дальше всего от нормативного образца. Поскольку публичное признание является основной валютой академического мира, его жесты признающим субъектом могут использоваться стратегически для того, чтобы улучшить свое собственное положение (Cronin, 1998). Прежде всего, они могут быть обменены на симметричные жесты — индивиды замечают тех, кто замечает их (и не замечают тех, кто не отвечает взаимностью на упоминание, следуя стратегии Tit for Tat Р. Аксельрода (Klamer, van Dalen, 2002)). В этой ситуации признание обменивается на встречное признание, а не служит вознаграждением за производство и распространение ценной информации. Далее, ученые могут признавать тех, кто с ними каким-то образом связан — или личными отношениями (своих учителей, друзей, учеников), или принадлежностью к одной категории (одному институту, одному типу биографии, сторонникам одного направления и течения, представителя того же политического лагеря и т. д.).

В той мере, в какой все эти эффекты вмешиваются в распределение признания, мы можем утверждать, что оно отклоняется от чисто нормативного образца — мы не можем сказать, что самые признанные работы — самые важные, но только что их признание отражает какие-то предубеждения, политические интересы и т. д. Распространенность подобных искажений давно является предметом изучения в социологии науки.

Наша работа по созданию репутационного рейтинга ученых-экономистов может рассматриваться в этом смысле как эксперимент, в ходе которого мы раздали широкому кругу ученых небольшой объем символического капитала и предложили распорядиться им по своему усмотрению. Действительно, если признание распределяется в пользу тех, кто принадлежит к определенной категории — например, представителей той же эпистемической культуры или политического лагеря, — мы увидим, что респонденты делятся на «фан-клубы», отличающиеся друг от друга по этому признаку. Если, скажем, связь между талантами и поклонниками образуется по признаку общности политических взглядов, то выбор номинантов хотя бы частично предсказуем на основании политических пристрастий респондента, и т. д. Таким образом, наша задача состояла в том, чтобы создать эмпирическую классификацию номинантов, обычно называемых одними и теми же номинирующими, и номинируемых, выдвигающих одних и тех же номинантов, а затем исследовать объединяющие их черты. Разумеется, полученная таким обра-

зом классификация может быть очень далека от логически удовлетворительной, отражая тот факт, что предпочтения в пользу разных ученых могут формироваться на разных основаниях: за кого-то голосуют как за ведущего представителя той же предметной области, много сделавшего для ее институционализации, а за кого-то — как за публичного интеллектуала, чьи политические взгляды, озвученные на страницах общенациональной газеты, импонируют почитателям³. Кроме того, разные основания для поддержки могут накладываться друг на друга. Если люди «голосуют» за тех, кто разделяет их политические взгляды, то происходит ли это потому, что они верят в ту картину мира, на которой основаны эти взгляды, и эпистемологию, которая согласуется с этой картиной мира, или потому, что они просто поддерживают своих однопартийцев? Вряд ли они сами могут уверенно это сказать.

Наш анализ не позволит вынести решительный вердикт по этому поводу. Он позволит, однако, очертить общие контуры крупнейших фан-клубов в российской экономической науке и описать их отличительные характеристики. Кроме того, он может фальсифицировать по крайней мере некоторые из гипотез по поводу процесса формирования групп поддержки: если политические взгляды *никак* не связаны с распределением научного признания, то группы поклонников разных фигур не должны различаться по политическому признаку, и т. д.

Подобный предварительный анализ и был целью исследования, проведенного группой сотрудников Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в СПб в сотрудничестве с Научной электронной библиотекой Elibrary. Более конкретно, мы фокусировались на влиянии нескольких переменных, связанных с субдисциплинарными границами, политическими (в разных смыслах этого слова) предпочтениями и академическими (или эпистемическими) культурами на распределение профессионального признания. Мы также попробовали оценить глубину существующих расколов — степень взаимного отторжения или признания между разными фан-клубами.

Процедуры и методы

Выборка. Детальное описание исследования приводится в предыдущей публикации (Соколов, Чечик, 2022). Основным методом нашего исследования был онлайн-опрос. В выборку были включены авторы, зарегистрированные в Elibrary, у которых (а) экономика была тематикой большинства публикаций, (б) которые опубликовали по меньшей мере три статьи в изданиях, индексируемых РИНЦ

3. Само собой, поддержка одной и той же фигуры всегда будет иметь разные источники: одни номинируют А, потому что он/она придерживается близких им взглядов на кредитно-денежную политику, а другие — потому, что одобрительно цитирует их работы по той же теме. Важно, однако, что фан-клубы А и В могут отличаться пропорциями, в которых носители разных систем предпочтения в них представлены.

за последние пять лет⁴. Письмо-приглашение к участию в опросе было отправлено 36 746 авторам, соответствующим этим критериям. Опрашиваемые были разделены случайным образом на 6 подвыборок (А, В, С, D, E, F) по 6124 или 6125 авторов в каждой, из которых первые четыре опрашивались в ходе первой волны опроса в октябре-ноябре 2021 года, а две последние — второй (декабрь 2021 года). Анкеты, отправленные по разным подвыборкам, отличались набором вопросов. Всего на основные вопросы анкеты ответили 6392 респондента (17,4%).

Переменные. Вопрос о научных достижениях и заслугах присутствовал в трех версиях. Основная формулировка звучала так: «По Вашему мнению, кто из ныне здравствующих российских экономистов за последние 3–5 лет опубликовал самые интересные и важные для развития экономической науки работы?» (варианты анкеты В, D, E, F). Кроме того, в двух подвыборках задавались вопросы «По Вашему мнению, кто ... внес наибольший вклад в развитие исследовательской области или областей, на которых Вы специализируетесь?» (вариант анкеты А) и «Кого ... Вы предложили бы включить в общенациональное жюри экспертов (например, в экспертный совет ВАК, в жюри конкурса, распределяющего исследовательское финансирование)?» (вариант С).

Далее, на второй волне опроса (варианты E и F) был добавлен закрытый вопрос, имевший формулировку:

Данное исследование состоит из двух этапов. На предыдущем этапе мы также просили экспертов номинировать российских экономистов, которые «опубликовали наиболее важные и интересные для развития экономической науки исследования». Сейчас мы хотели бы оценить степень консенсуса по поводу таких оценок. Ниже приводятся некоторые из упомянутых на первом этапе имен. Мы попросим Вас сказать, знакомы ли Вы с работами этих ученых и согласны ли Вы с их оценками как «наиболее важных и интересных»?

Предлагался список из 34 имен (по 17 в каждом из вариантов). Помимо согласия или несогласия, можно было выбрать вариант «Не знаком с его/ее работами».

В дополнение к репутационному блоку мы включили многочисленные вопросы, которые должны были позволить описать характеристики групп поддержки разных фигур. Заданные вопросы включали следующие пункты:

А) *Области экономической науки, на которых специализируются информанты* (использовался классификатор из 32 направлений, синтезирующий JEL и классификатор ВАК; на втором этапе были также добавлены несколько специализаций, указанных самими информантами как отсутствующие в предложенном списке). Задачей здесь было оценить силу эффектов, связанных с принадлежностью к той или иной специализации, в распределении признания. Коммуникация между учеными имеет тенденцию замыкаться в рамках субдисциплинарных границ — мы читаем профильные журналы и, соответственно, знаем больше всего о работе тех,

4. Требование регистрации было продиктовано техническими ограничениями: в выборку попали те, к кому мы могли обратиться по электронной почте. Зарегистрированы, однако, были свыше 90% тех, кто соответствовал остальным двум критериям в базе Elibrary.

кто активен в той же области, что и мы. С другой стороны, наша принадлежность к субдисциплине диктует нам политические соображения: мы все выигрываем от повышения статуса своей специальности, и готовность голосовать «за своих» может объясняться этим фактором.

Б) *Эпистемические культуры*. Нашей целью здесь было проверить предположение о том, что за голосами за авторитеты стоят разные эпистемические культуры — представления о том, какой должна быть экономическая наука. Мы попробовали, опираясь на доступную литературу, сформулировать несколько утверждений, которые характеризовали бы позиции информантов по некоторым широко дебатированным в мировом экономическом сообществе вопросам относительно состояния экономической науки и профессии экономиста (см. другую подобную попытку в: Мальцев, 2016). Первая группа этих вопросов касалась предпочтительности общей ориентации на глобальную (что преимущественно значит англоязычную) или национальную науку (Beigel et al., 2018; Sokolov, 2019; о российской экономике — Белянин, Бессонов, 2011), вторая — отношения к математизации (Grubel, Boland, 1986) и третья — ориентации экономического знания на решение практических проблем или на построение более абстрактных теорий функционирования экономики (Colander, Klamer, 1986; Davis, 1997) (выборки А и Е).

Кроме того, вдохновляясь литературой о статусных культурах в науке и ориентируясь на результаты более раннего исследования (Соколов, 2020), мы попробовали охарактеризовать принадлежность респондентов к «журнальной культуре», опираясь на неопросный показатель — средние импакт-факторы журналов, в которых были опубликованы и процитированы их статьи. В наивно-наукометрическом ключе этот показатель может считаться показателем качества работы. Мы, однако, рассматривали его скорее как маркер общей ориентации на ту или иную систему каналов распределения информации (и статуса).

В) *Политические лагеря*. Иная форма академического фаворитизма, широко обсуждаемая в литературе, связана с политической поляризацией (De Benedictis, DiMaio, 2011; De Benedictis, DiMaio, 2011; Frey et al., 1984; Mayer, 2001; см. также остроумный эксперимент: Javdani, Chang, 2019). В социологии научного знания распространенным утверждением является то, что социально-научные (а до некоторой степени — и естественнонаучные) теории есть продолжение политических идеологий (Gouldner, 1970; MacKenzie, 1978). В случае с экономикой, из всех социально-научных дисциплин наиболее непосредственно участвующей в принятии политических решений (Fourcade, 2009), мы можем предполагать, что степень взаимопроникновения научных оценок и морально-политических суждений особенно велика. Мы задавали, соответственно, вопросы из области макроэкономики и экономической политики, позиции по которым могли стоять за поддержкой тех или иных фигур (выборки А, Е).

Г) Также задавались *биографические* вопросы (возраст, пол, ученые степени и т. д.) и вопросы о деталях *занятости* в качестве академического экономиста, включая текущую институциональную аффилиацию.

Идентифицируя фан-клубы

Нашим первым шагом было выделить группы авторитетов с пересекающимися фан-группами и одновременно фан-группы с пересекающимися авторитетами. Для этого использовался алгоритм определения сообществ Гирван-Ньюмана, рассматривающий массив данных как бимодальную сеть с двумя типами узлов — называемыми агентами и называемыми фигурами. Алгоритм делит эту сеть на кластеры, сегменты или модули (терминология не совсем устоялась), максимизируя число связей внутри модуля и минимизируя число связей, пересекающих их границы. Степень фрагментированности сети измеряется показателем модулярности (Newman, 2006) — метрики, которая для эмпирически наблюдаемых сетей варьируется от 0 до 1. «Правило большого пальца» состоит в том, что модулярность свыше 0,35 позволяет нам говорить о выраженной кластеризации. В нашем случае модулярность для выбранного решения составила 0,695. Преимущество алгоритмов нахождения сообществ по сравнению с более ранними методами автоматической классификации — скажем, кластерным анализом — состоит в том, что они могут работать с разреженными графами, в которых значительная часть объектов выбирались 1–2 раза. Недостатком — то, что решения не уникальны и каждый новый запуск алгоритма приносит новую группировку. В случае с высококластеризованным массивом вроде нашего различия между решениями сравнительно невелики и касаются перемещений фигур, занимающих пограничное между модулями положение.

Наша сеть была построена на основании вопроса об экономистах, внесших наибольший вклад в экономическую науку в целом (выборки В, D, E, F). Она состояла из 3563 называющих (тех, кто назвал хотя бы одну идентифицированную фигуру во всех шести подвыборках) и 3092 названных (уникальных распознанных ФИО). Алгоритм разделил ее на 299 модулей. Подавляющее большинство из них состояли из одного-единственного называющего, который называл имена, не упомянутые никем более. Таких модулей было 247. Еще 16 модулей включали двух человек, и лишь 31 включал 10 и более. Однако к этим 31 относилось 91,9% всех респондентов, причем на 7 модулей, к которым принадлежали 200 и более называвших, пришлось более половины — 56,5% номинаций. По статистическим причинам наш следующий анализ ограничен характеристиками представителей крупнейших модулей.

В следующей таблице 1 приводятся данные о численности 7 крупнейших групп поддержки, фигурах, которые их члены номинировали, областях интересов, которые они указывали, и базовые сведения об их социодемографических показателях — поле, среднем возрасте и доле постоянно живущих в Москве. Названия в первой графе условны; их обоснования будут приведены далее в тексте. Мы должны отметить сразу, что колебались, присваивать ли модулям названия, учитывая, что членство в них определял вероятностный алгоритм, и некоторые группировки могли вызвать и вызывали удивление у первых читателей этой статьи. Таким образом, запоминающееся название, удачно характеризующее общие черты большинства номинированных фигур и тех, кто номинировал их, могло оказать

ся вопиюще неточным в отношении меньшинства (первые читатели этого текста в особенности изумлялись идентификации В. А. Мау с «Автаркистами»). В конце концов мы все-таки дали группам имена, оговаривая, однако, что они условны, ведь целью этого исследования было выявление общих принципов размежевания, а не приписывание индивидов к конкретным группам — для этого использованный нами метод автоматической классификации заведомо непригоден. Мы просим за это прощения у тех героев нашей таблицы, которым она попадет на глаза и кто будет недоволен наклеенным на них ярлыком.

Несколько наблюдений можно сделать на основании этого простого распределения. Прежде всего, получившаяся эмпирическая классификация, безусловно, является логически гетерогенной: даже на основании самого беглого взгляда можно заключить, что группы выделены на разных логических основаниях.

Предметные области. Некоторые группы поддержки, на которые распадается аудитория экономистов, носят ярко выраженный тематический характер. В этом смысле модули можно разделить на три категории. Первую составляют модули, характеризующиеся одной доминирующей темой. Во многих случаях те, кто принадлежит к соответствующей фан-группе, демонстрируют значимо меньший интерес к предметам, которые составляют ядро общеэкономического образования и в этом смысле объединяющий стержень дисциплины — эконометрике, макро- и микроэкономике и истории экономической мысли (в нашей таблице таковыми являются «Бухгалтеры»)⁵. Следующая группа модулей также имеет отчетливый тематический фокус при сохранении интереса к «мейнстримным» темам («Регионалисты», «Школа ВШЭ»). К последней группе относятся три крупнейших модуля — «Рыночники», «Академики» и «Автаркисты» — среди попавших в которые респондентов мы не находим преобладания какой-либо тематики (за исключением несколько большего интереса к математическим моделям и институциональной экономике среди «Академиков»).

В целом эту структуру легко интерпретировать как следствие существования бюрократической классификации академических специализаций, которая весьма произвольно приписывает к экономическим факультетам то, что в других странах представляет собой независимые дисциплины и профессии (бухгалтерский учет, менеджмент, маркетинг, логистика). В то же время некоторые области, которые в других национальных контекстах тесно интегрированы в «мейнстрим», в России оказались изолированы от него вследствие уникальной российской институциональной истории. Так, относительная изоляция аграрной экономики может объясняться тем, что она долгое время развивалась в институтах, принадлежащих к системе РАСХН, и вузах, подведомственных Минсельхозу. На обособленность мировой экономики могло повлиять ее более близкое соседство с экономической географией, нежели с прочими экономическими специальностями и т. д.⁶.

5. К этой же группе примыкают не попавшие в таблицу в силу меньшей численности специалисты по экономике туризма, логисты, специалисты по социально-экономической статистике и некоторые другие субдисциплины.

6. Мы благодарны Анне Абалкиной и Александру Либману за эти наблюдения.

Таблица 1. Характеристики крупнейших групп поддержки

Модули	№	Основные фигуры	Области интересов	Доля мужчин	Ср. год рождения	Доля москвичей
Автаркисты	504	С. Ю. Глазьев, М. Г. Делягин, А. Г. Аганбегян, М. Л. Хазин, В. А. Мау		48,6%	1969	29,2%
Рыночники	332	А. А. Аузан, С. М. Гуриев⁷, Я. И. Кузьминов, А. Л. Кудрин, В. Л. Иноземцев⁸		47,3%	1972	29,2%
Академики	289	Г. Б. Клейнер, В. М. Полтерович, Г. С. Гринберг, В. Л. Тамбовцев, В. Л. Макаров	<i>Матметоды (26,2%), Институциональная экономика (18,2%)</i>	49,4%	1970	39,9%
Школа ВШЭ	235	Р. И. Капелюшников, Р. М. Нуреев, В. Е. Гимпельсон, А. Е. Шаститко, В. С. Автономов	Экономика труда (26,2%), Институциональная экономика (21,8%), Экономика населения (14,1%), <i>Поведенч. экономика (12,6%), Эк. история (7,6%),</i>	47,3%	1972	39,4%
Регионалисты	238	Н. В. Зубаревич, Н. А. Минакир, Б. Н. Порфирьев, В. А. Крюков, А. А. Широ	Региональная экономика (63,9%)	39,4%	1972	18,9%
Бухгалтеры	211	М. В. Мельник, В. В. Ковалев, М. А. Вахрушина, В. И. Бариленко, Д. А. Ендовицкий	Бухучет (68,9%)	21,5%	1973	24,0%
Аграрные экономисты	194	А. И. Алтухов, И. Г. Ушачев, А. В. Петриков, А. Н. Семин, В. Я. Узун	Экономика сельского хозяйства (76,3%)	41,6%	1970	20,3%
Средние				41,8%	1971	30,8%

Примечание: жирным шрифтом выделены фамилии входящих в топ-20 обобщенного рейтинга, для областей обычным шрифтом даны превышения средневывборочных значений в два раза, курсивом — в 1,75–2 раза.

7. Признан иностранным агентом.

8. Признан иностранным агентом.

Возникающая в итоге композиция экономических аудиторий имеет то, что в социально-сетевом анализе называется «центр-периферийной структурой» (Borgatti, Everett, 2000), сравнимой со структурой городской агломерации, в которой густонаселенный центр окружен некоторым числом (моно)городов-спутников (те, кто предпочитает исторические аналогии, могут вообразить себе средневековый город с окружающими его слободами и предместьями). Прямое сообщение между предместьями отсутствует, и попасть из одного в другие можно, только пройдя через центральную площадь. Если есть какие-то фигуры, по поводу значимости которых специалисты по маркетингу и специалисты по аудиту могут сойтись друг с другом в оценках, то этими фигурами будут «Рыночники» или «Автаркисты».

Демографические различия. Продолжая наше описание экономического ландшафта, отметим, что средний возраст обитателей модулей отличается значимо (так, различие между «Рыночниками» и «Автаркистами» значимо на уровне 0,05), однако не слишком значительно (размер эффекта порядка 0,25 стандартного отклонения). В этом смысле все модули обладают способностью к воспроизводству, и мы можем предполагать, что границы между ними не исчезнут сами собой при смене поколений. «Генерационные парадигмы», о которых писал Эндрю Эбботт применительно к социологии (Abbott, 2019), не существуют в российской экономике⁹.

Гораздо более выражены гендерные контрасты. Некоторые из наших «предместий» имеют преимущественно женское «население» (среди бухгалтеров — 78,5% женщин, в других модулях — у финансистов — 68,5%, маркетологов — 68,3%, специалистов по управлению персоналом — также 68,3% и т. д.). Напротив, в центральных областях соотношение мужчин и женщин примерно равно¹⁰. Это различие, однако, кажется производным скорее от того, что многие из специальностей, к которым привязаны «предместья», считаются женскими (бухучет, кадры), чем с тем, что существует выраженный гендерный фаворитизм, при котором женщины и мужчины отдают предпочтение разным полам внутри одной и той же предметной области. Во всяком случае на примере самой известной женщины-экономиста, Н. В. Зубаревич, мы не видим следов такого фаворитизма или дискриминации: вероятность назвать ее или согласиться с оценкой ее работы как внесшей вклад в экономическую науку (в закрытом вопросе) не зависит от пола респондента.

9. В отличие от, например, социологии (Сафонова, Соколов, 2021) или политической науки (Агафонов, Соколов, 2023).

10. Надо отметить, что российская экономическая наука выделяется на мировом фоне своей феминизированностью. Особенно разителен контраст с американской экономикой, в которой на 2017 год женщины составляли менее четверти постоянного преподавательского состава (Lundberg, Steans, 2019). Впрочем, на вершине академической иерархии в России, как и в США, находятся почти исключительно мужчины — читатели (и читательницы) могли отметить, что в нашем списке top-20 присутствует лишь одна женщина — Н. В. Зубаревич.

Наконец, есть отчетливая территориальная специфика — доля столичных жителей в аграрном модуле составляет всего 20,3%, в региональном — 18,9%, в то время как среди «Академиков» москвичей в два раза больше — 39,9% (самым столичным, однако, является малый модуль мировой экономики, в котором из 94 человек москвичей 55, т. е. 59%). Это различие объясняется скорее всего тем, что спрос на некоторые области специализации территориально неоднороден, а не тем, что экономисты в регионах голосуют против столичных авторов (тем более что подавляющее большинство лидеров во всех субдисциплинах все равно проживают в Москве).

Институциональные привязки. Институциональные привязки являются следующим «подозреваемым» в наблюдаемой сегментации. Может ли быть так, что экономисты в основном голосуют за представителей своей институции — потому что лучше знают их работы или в надежде повысить статус этих институций (и косвенно свой собственный)? Действительно, сразу бросается в глаза то, что основные авторитеты нескольких групп работают в одном учреждении. Так, «Академики» и «Школа ВШЭ» связаны с ЦЭМИ/ИЭ РАН и Высшей школой экономики соответственно. При этом только про малую группу «Финансистов», связанную с Финансовым университетом, можно сказать, что их многое объединяет в плане научных интересов. Однако, хотя группы поддержки и преобладают в соответствующих учреждениях, сотрудники этих учреждений составляют сравнительно небольшую часть групп поддержки. Так, если всего к «Школе ВШЭ» относится 245 человек, то численность респондентов, которых мы могли соотнести с самой Вышкой, среди них составляет 17 человек (среди тех, кто сообщил свою аффилиацию). Это, с одной стороны, значительная доля вышкинских респондентов (27%), с другой стороны — сравнительно небольшая доля от всех попавших в данный модуль (6,9%). В этом смысле при образовании групп мы имеем дело скорее с ориентацией на ту или иную институцию как на флагманское учреждение, на базе которого проводятся образцовые исследования, среди людей, не работающих в ней, чем с локальным патриотизмом ее сотрудников.

Что же стоит за этим статусом флагмана? Здесь мы подходим, возможно, к самому интригующему вопросу этого исследования. Обнаруженные нами до сих пор различия между модулями не проливают света на то, как возникают деления внутри центральной части экономического метрополиса. В чем состоят различия между респондентами, представляющими модули, не имеющие явной тематической привязки?

Взгляды на экономическую науку и роль экономиста. Прежде всего, мы проанализировали блок вопросов (выборка А), касавшихся взглядов экономистов на цели и задачи экономической науки. Список анкетных вопросов и одномерные распределения ответов на них приводятся в Приложении 1. Анализ корреляций между ответами показывает, что большинство пунктов анкеты так или иначе характеризовали один комплекс установок. Таблица 2 суммирует получившуюся шкалу (цифры в графе справа соответствуют факторным нагрузкам на первую компоненту, объясняющую 36% вариации, в факторном анализе).

Таблица 2. Шкала академического локализма-глобализма (выборка А, N = 900)

	Факторные нагрузки
Российским экономистам следует стремиться к сохранению и развитию национальной традиции в экономической науке.	,627
В области наук о человеке и обществе приоритет при оценке исследовательских достижений российских ученых должен быть отдан публикациям на русском языке ¹¹ .	,668
Теории, созданные западными экономистами, многого не объясняют в российской жизни; нужно работать с собственными теоретическими моделями.	,756
Эгоистичный и рациональный Homo economicus представляет собой искаженную картину человеческой природы и в основном бесполезен для объяснения поведения в реальном мире.	,446
Средний методический уровень статей в ведущих англоязычных журналах значительно выше, чем в ведущих российских, и молодых ученых следует учитывать ориентироваться на него.	-,463
Проводя исследования, экономисты должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства.	,611
Многие достижения советской политэкономии были незаслуженно забыты в последующие годы.	,675
По культурным и историческим причинам различий между тем, как устроены экономики разных стран, больше, чем сходств, поэтому рецепты экономической политики, разработанные для одних стран, чаще всего неприменимы в других.	,623
Говоря в целом, можно сказать, что сегодня мировая экономическая наука находится в глубоком кризисе.	,453

Примечание: выделенные жирным шрифтом вопросы воспроизводились также в выборке Е.

Шкала противопоставляет академические глобализм и локализм. Глобализм представляет собой ориентацию на стереотипно понятый глобальный мейнстрим (англоязычный, универсализирующий, опирающийся на модели рационального выбора). Локализм — выбор в пользу индигенной экономической науки (учитывающей кросс-культурные вариации, опирающейся на национальные традиции, отвечающей интересам страны и государства, что бы последнее ни значило)¹².

11. Источником этого вопроса было Постановление Бюро отделения общественных наук РАН от 19 февраля 2020 года № 6 «Принципы установления нормативов публикационной результативности для научных организаций общественно-гуманитарного профиля».

12. Интересно отличие экономистов от изученных ранее политологов и социологов (Сафонова, Соколов, 2021; Агафонов, Соколов, 2023). Хотя во всех дисциплинах присутствует оппозиция между ориентациями на глобальную или национальную науку, только у экономистов она имеет явное содер-

Таблица 3. Средние показатели для наукометрических и опросных шкал, для крупнейших модулей (выборка Е, N = 891)

Модули	Академический локализм	Ср. импакт-фактор публикующих журналов	Ср. импакт-фактор цитирующих журналов	Ориентация на открытую экономику
Рыночники	-0,3516	0,4663	0,4427	0,5354
Автаркисты	0,2339	0,3642	0,4009	-0,3129
Академики	-0,0400	0,4948	0,4646	0,0174
Регионалисты	-0,0691	0,5063	0,4924	0,0189
Аграрные экономисты	0,0579	0,4253	0,4361	-0,2350
Школа ВШЭ	-0,3387	0,6387	0,5368	0,2259
Бухгалтеры	0,0850	0,3683	0,3638	0,1569
Среднее	-0,029	0,4102	0,4174	0,011
Стандартное отклонение	1,042	0,3733	0,3346	1,059
Эта ²	0,041	0,069	0,034	0,069

Для того чтобы сравнить средние показатели наших фан-групп, использовалась сокращенная версия шкалы, включавшая три пункта, выделенные жирным шрифтом в таблице 2¹³ (баллы были приведены к нормализованному виду со средним, равным 0, и стандартным отклонением 1, таким образом, различия между подвыборками в колонке «Глобализм», которые приводятся в таблице 3, можно интерпретировать как силу эффекта (effect size). Модули отчетливо различаются по своей позиции в локалистском-глобалистском спектре с силой эффекта, достигающей порядка 0,6 для полярных групп (показатель Эта² составляет 0,041). Самыми локалистскими модулями оказываются «Автаркисты», глобалистскими — «Школа ВШЭ» и «Рыночники».

При этом даже по данному сильно поляризующему фактору нельзя сказать, что локалистские и глобалистские взгляды разделяются всеми в соответствующих группах. Так, во всех модулях доля согласных и скорее согласных с утверждением

жательное наполнение и коррелирует с какими-то эксплицитными теоретическими ориентациями, такими как опора на модель *Ното есопотісис* (в какой мере эта ориентация и правда отражает экономический мейнстрим сегодня — вопрос, по которому авторы не готовы высказываться).

13. Значения по шкале были получены путем простого сложения пунктов ординальных шкал от 1 до 5 с последующей нормализацией. Необходимость ограничиться сокращенной шкалой стала следствием неудачного решения, принятого на стадии планирования анкеты. «Идеологические» вопросы задавались в выборках А (полная версия) и Е (сокращенная версия), однако расчеты в таблице 3 и далее основаны только на выборке Е, поскольку в выборке А основной репутационный вопрос требовал назвать тех, кто написал самые важные работы в собственной области респондентов. Корреляция Пирсона сокращенной версии шкалы с полной для выборки А составляла 0,805, и в этом смысле потеря в точности была небольшой.

«Теории, созданные западными экономистами, многого не объясняют в российской жизни» превосходит долю несогласных (в соотношении 46%/13% среди «Бухгалтеров» до 50%/24,4% в «Школе ВШЭ»). Фактически единственным вопросом, по которому преобладающее в одних модулях мнение отличалось от преобладающего в других, был вопрос об оценке относительного качества ведущих российских и англоязычных журналов. Согласны или скорее согласны с тем мнением, что статьи в англоязычных журналах в среднем лучше, было 47,8% «Рыночников» (при 28,3% несогласных) и 47,1% в «Школе ВШЭ» (при 28,7% несогласных). Среди «Автаркистов» соотношение было обратным (28,3% согласных при 48,5% несогласных).

Ориентация на «журнальную науку». В какой мере различия в декларируемых представителями разных модулей ценностях соответствуют различиям в наблюдаемом поведении? По понятным причинам мы не могли наблюдать респондентов в реальной жизни, однако могли — для тех, кто дал разрешение на использование информации из их библиометрических профилей — дополнить данные о декларируемых респондентами представлениях данными об их публикационной активности. Эти данные, в частности, должны улавливать ориентацию на «журнальную науку» — академическую культуру, основным каналом передачи информации (и распределения статуса) для которой является стратифицированная система периодики. Во втором и третьем столбцах таблицы 3 приводятся средние по импакт-факторам журналов, в которых (а) публиковались ученые и в которых (б) цитировались их работы¹⁴.

«Школа ВШЭ», а также «Регионалисты» и «Академики» лидируют по измеренному наукометрически качеству изданий, в которых опубликованы их статьи («Автаркисты» и «Бухгалтеры» находятся на противоположном полюсе). Распределение импакт-факторов журналов, в которых цитируются работы ученых данной группы, отчасти сглаживает контраст, однако сохраняет те же направления. Последнее наблюдение принципиально важно: если бы среди экономистов существовал консенсус по поводу того, что лучшие работы публикуются в лучших изданиях, импакт-фактор публикующего журнала был бы независим от импакт-фактора цитирующих журналов. Фактически они коррелируют на уровне 0,557, показывая, что есть сильная тенденция к тому, чтобы индивидов цитировали в журналах того же слоя, в которых они публикуются¹⁵. В этом смысле мы можем предполагать существование отдельной «журнальной науки», в которой не все экономисты участвуют — и не все хотели бы.

Соблазнительно предположить, что это измерение связано с тем, которое выше было названо «локализмом–глобализмом» — во-первых, потому, что глобалисты по логике вещей должны публиковаться и цитироваться в англоязыч-

14. Достоинством этих метрик является их близкое к нормальному распределение. Чтобы нивелировать влияние тяжелого правого хвоста, показатели были пересчитаны на логарифмированных переменных с практически идентичным результатом.

15. Отчасти это является результатом самоцитирований (20,9% цитирования российских экономистов — дело их собственных рук). Однако даже при контроле по этой переменной связь показателей публикующих и цитирующих индивида журналов остается сильной.

ных журналах с их более высокими импакт-факторами, раз уж они верят в то, что уровень статей в них более высокий, во-вторых — потому, что журнальная ориентация в целом является частью глобальной англоязычной академической культуры. И действительно, мы находим значимые, хотя и не слишком сильные корреляции. Глобализм, измеренный нашей сокращенной шкалой, дает корреляцию 0,191 со средним импакт-фактором журнала, в котором были опубликованы статьи, и 0,145 — с импакт-факторами журналов, в которых они были процитированы. Мы видим, что показатели связаны, хотя и далеко не тождественны.

Экономические доктрины и политические идеологии. Далее мы попробовали проверить, совпадают ли границы между аудиториями экономистов с границами популярности различных экономических доктрин. Для этого мы попросили респондентов выразить свое отношение к абстрактным утверждениям, адаптированным из более ранних международных исследований (Davis, 1997; Grubel, Boland, 1986) с добавлением нескольких пунктов из World Value Survey (выборки А (полный) и Е (сокращенный) варианты). Мы отбирали те из них, по которым, предположительно, российские экономисты имели меньше всего шансов прийти к согласию. Распределения ответов на заданные вопросы можно найти в Приложении 2. Как и прежде, мы обнаружили, что основная часть вариаций в ответах на большинство вопросов объясняется одним фактором¹⁶. Этот фактор противопоставляет сторонников интеграции в глобальную рыночную экономику сторонникам замкнутой в пределах национального государства и подконтрольной этому государству экономической системы. Иными словами, он соответствует предпочтению «невидимой руки рынка» vs автаркичной «крепости Россия», неустойчивой для шоков извне, в которой любые ресурсы контролируются государством и могут быть легко мобилизованы и распределены им в политических или военных целях. Вопросы, нагруженные этим фактором, вместе со значениями соответствующих нагрузок приведены в таблице 4 (первый фактор объясняет 28,9% вариации).

Как и прежде, для дальнейшего анализа использовалась сокращенная версия шкалы, состоящая из выделенных жирным пунктов (ее корреляция с полной версией шкалы составляла 0,942), все показатели были нормализованы.

В последней графе таблицы 3 мы видим, как те, чьи убеждения тяготеют к тому или иному полюсу, распределены между нашими модулями. Самый явный контраст прослеживается по первому фактору, с «Автаркистами», идеологически наиболее монолитными в своей ориентации на модель *wartime economics* (чем и обусловлено их название) — с одной стороны, и «Рыночниками» и «Школой

16. Второй выделенный фактор имел высокие нагрузки по всем пунктам вопросника, связанным с дефицитом в национальном бюджете и внешнеторговом балансе, а также уровнями государственного и частного долга. Он противопоставлял «Аграрных экономистов» и «Бухгалтеров» (вероятно, в силу рода деятельности наиболее приверженных идеалам хорошо сходящегося бюджета) остальным группам, в первую очередь «Академикам». В силу меньшей объясненной им вариации (11,8%) здесь он не обсуждается.

ВШЭ» — наиболее последовательно выступающими за открытую во всех смыслах слова экономику — с другой. Сила эффекта для полярных групп свыше 0,8, Этаквадрат — 0,069 — значимая величина.

Таблица 4. Шкала рыночной открытости — автаркии (выборка А, N = 892)

	Нагрузки
Приватизация государственных предприятий, как правило, повышает эффективность их деятельности.	,588
Снижение налогового бремени на доходы от капитала содействует экономическому росту.	,355
Пошлины и нетарифные барьеры для внешней торговли ведут к снижению экономического благосостояния.	,373
Введение определенных ограничений на трансграничное движение капитала необходимо для обеспечения экономической стабильности.	-,563
Для экономического развития оптимальным является низкий уровень государственного и частного внешнего долга.	-,348
Экономические санкции против России являются формой недобросовестной конкуренции со стороны западных стран, стремящихся под благовидным предлогом сдержать экономическое развитие нашей страны.	-,599
Россия скорее выиграла, чем проиграла от вступления в ВТО.	,510
Экономически Россия, безусловно, выиграла бы, в одностороннем порядке отменив введенные в 2014 году контрсанкции.	,572
Полный отказ от идеи плановой экономики и форсированный переход к рынку в 90-х были ошибкой.	-,672
Доля частной собственности в бизнесе и производстве должна быть увеличена.	,662

Примечание: выделенные жирным вопросы задавались также в выборке Е.

По большинству вопросов тем не менее существуют преобладающие мнения, которых придерживается большинство ответивших во всех группах. Большинство во всех модулях не согласилось с тем, что Россия скорее выиграла, чем проиграла, от вступления в ВТО (за исключением «Академиков», среди которых сторонников и противников этого мнения оказалось поровну — 38,9% согласных, 38,1% несогласных), и согласилось с тем, что санкции — это форма недобросовестной конкуренции Запада (здесь число несогласных было выше всего в «Школе ВШЭ» — 54,2% согласных против 32,3% несогласных). Иными словами, мы видим, что границы модулей не совпадают с границами распространения тех или иных убеждений.

Скорее, мы можем говорить лишь о большей или меньшей частоте, с которой в них встречаются определенные *minority opinions*, которые тем не менее остаются мнением меньшинства.

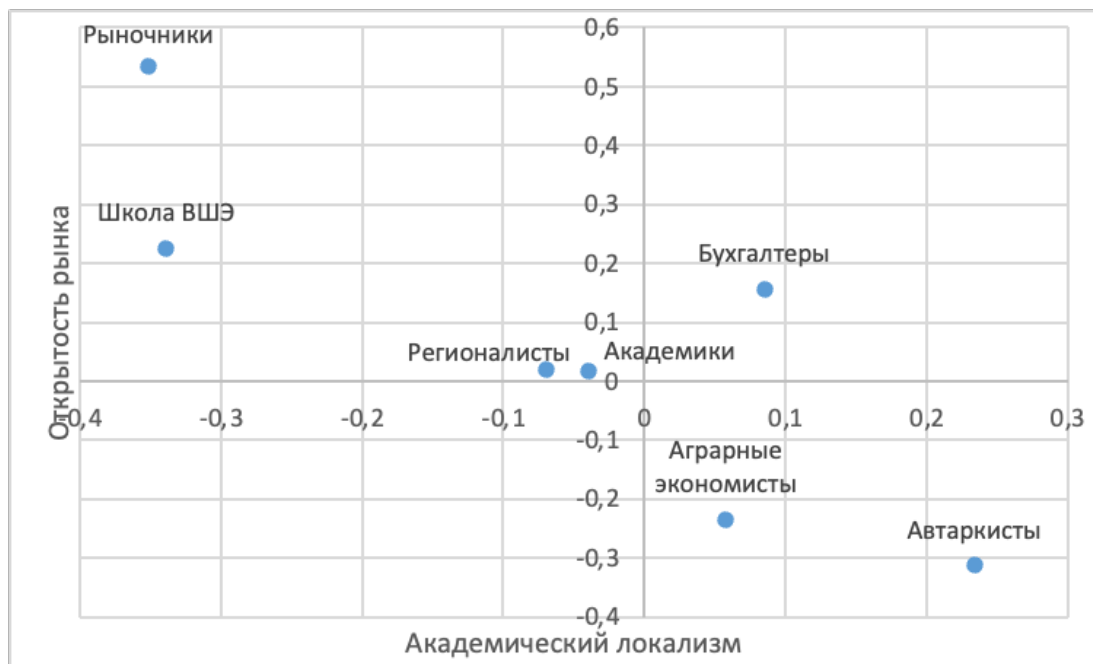

Рис. 1. Связь академического локализма и рыночной открытости (средние для модулей)

Читатели могут отметить, что ранжирование наших модулей по этому фактору располагает их примерно в таком же порядке, как и ранжирование по измерению академического локализма и глобализма (рис. 1). Действительно, глобализм и ориентация на открытость экономики на уровне индивидов скоррелированы на уровне 0,473 — те, кто верит в достоинства мирового экономического мейнстрима, также верят в преимущества открытой экономики, и наоборот. Кроме того, рыночная ориентация связана с принадлежностью к «журнальной науке», хотя и ощутимо слабее — корреляция импакт-факторов журналов, в которых индивиды публиковали свои статьи, и ориентации на рыночную экономику составляет 0,226. Распределение модулей в подобном двумерном пространстве приводится на рисунке 2.

Таким образом, мы находим, что группы поддержки российских экономистов представляют, с одной стороны, разные эпистемические культуры — в различных их проявлениях, а с другой — переходят в разные политические лагеря. В следующем параграфе мы попробуем с помощью множественных регрессий определить, какие из этих переменных непосредственно влияют на попадание индивидов в ту или иную фан-группу.

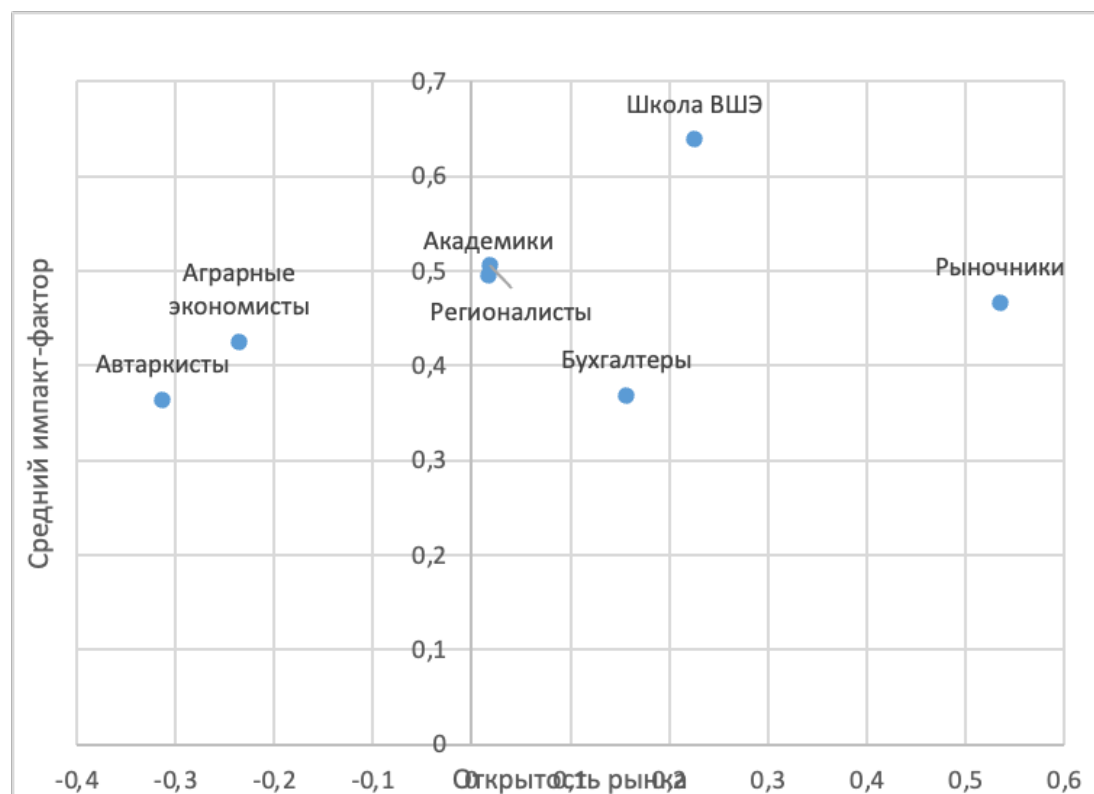

Рис. 2. Связь рыночной ориентации и среднего импакт-фактора журнала, в котором были опубликованы статьи (средние по модулям)

Регрессионный анализ

Чтобы понять, какие факторы влияют на формирование групп поддержки непосредственно, а влияние каких опосредовано другими, мы использовали мультиномиальную регрессию. Результаты суммируются в таблице 5. Базовой категорией были «Академики», занимающие на предыдущих графиках положение в центре; в ячейках приводятся отношения шансов (приводятся только значимые отличия от «Академиков» для каждой модели; континуальные переменные были нормализованы с тем, чтобы получить стандартное отклонение, равное 1).

В Моделях 3 и 4 анализируется влияние локализма и ориентации на открытую экономику (опять же, «Академики» значимо отличаются по этому признаку от «Автаркистов» и «Рыночников», но не от остальных групп). Наконец, в Модели 5 все независимые переменные вводятся вместе. Предметные области сохраняют свою значимость, импакт-фактор отчетливее дифференцирует «Академиков» от хуже интегрированных в «журнальную науку» групп («Автаркистов» и «Рыночников»), а ориентация на открытую экономику — также от «Рыноч-

ников». Ни одна из переменных не дифференцирует «Академиков» от «Школы ВШЭ» и ни одна из групп не дифференцируется от прочих академическим локализмом.

Таблица 5. Мультиномиальная логистическая регрессия с принадлежностью к 7 крупнейшим модулям в качестве зависимой переменной. Приведены статистически значимые отношения шансов

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Аграрная экономика	Аграрные экономисты» (48,54 ^{***}) Бухгалтеры (5,22 [*])				Аграрные экономисты (23,8 ^{***})
Региональная экономика	Регионалисты (3,8 ^{**})				Регионалисты (4,23 ^{**})
Бухучет	Бухгалтеры (86,59 ^{***})				Бухгалтеры (86,33 ^{***})
Математические модели	Бухгалтеры (0,07 ^{**})				
Импакт-фактор		Автаркисты (0,291 [*]), Бухгалтеры (0,103 ^{**}), Школа ВШЭ (3,151 ^{**})			Автаркисты (0,07 ^{**}), Рыночники (0,09 ^{**})
Открытость			Автаркисты (0,671 ^{**}), Рыночники (1,81 ^{**})		Рыночники (1,76 [*])
Локализм				Автаркисты (1,51 [*])	
Snell and Cox Pseudo R²	0,424	0,067	0,127	0,067	0,553
Доля корректно предсказанных значений ¹⁷	36,8%	26,1%	32,4%	25,6%	46,4%

17. Baseline для доли корректно предсказанных является 23,7% — число «Автаркистов», самого крупного из модулей.

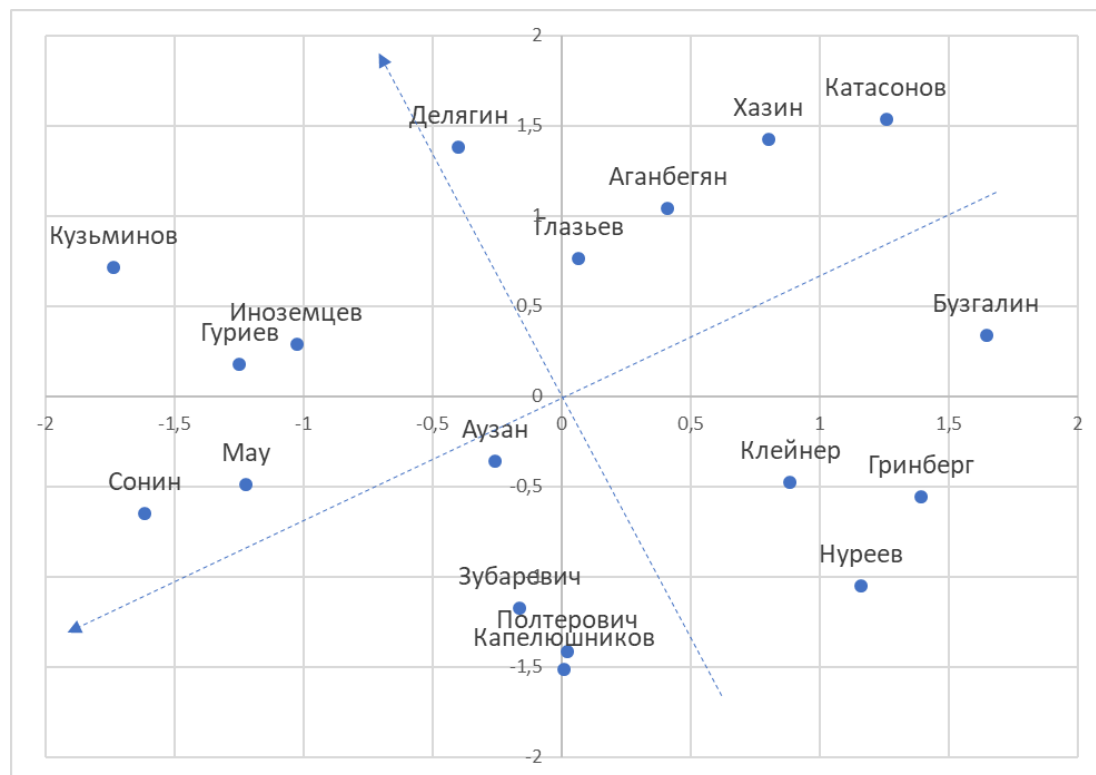

Рис. 3. Многомерное шкалирование номинаций отдельных экономистов (алгоритм ALSICAL, выборки B, D, E, F, N = 3563)

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

В Модель 1 были включены 4 предметные области, которые выше определены как позволяющие с наибольшим успехом идентифицировать, к какой из наших семи анализируемых групп поддержки принадлежат экономисты. В Модели 2 оценивается дифференцирующая роль импакт-фактора (у «Автаркистов» и «Бухгалтеров» он значимо меньше, чем у «Академиков»; у «Школы ВШЭ» — значимо больше).

Суммируя эти результаты, мы можем предположить, что пространство симпатий экономистов двумерно. Одним из измерений является ориентация на открытый рынок vs ориентация на wartime economics, и оно противопоставляет, прежде всего, «Автаркистов» «Рыночникам» с остальными группами между ними. Второе измерение — участие в «журнальной науке», и в нем «Рыночники» занимают положение, близкое к «Автаркистам», по другую сторону от более ориентированной на рецензируемую периодику «Школы ВШЭ». Влияние академического локализма полностью поглощается двумя другими переменными.

В целях дополнительной валидации полученной модели мы провели многомерное шкалирование номинаций 18 чаще всего упоминаемых фигур (на рис. 3 приведены top-20 за исключением Алтухова и Кудрина, которые поднимали стресс двумерной модели до считающихся неприемлемыми 0,20).

Близость имен друг к другу достаточно явно коррелирует с нашими модулями: «Автаркисты» находятся в правом верхнем углу, «Рыночники» — слева посередине, «Академики» — в правом нижнем квадранте, «Школа ВШЭ», представленная Р. И. Капелюшниковым, и «Регионалисты», представленные Н. В. Зубаревич, — снизу, а А. В. Бузгалин (представитель небольшого модуля «Марксистов») находится между «Академиками» и «Автаркистами». Ось, противопоставляющая глобалистов-рыночников автаркистам-локалистам, проходит слева направо. Внизу оказываются фигуры, чьи группы поддержки в наибольшей степени вовлечены в «журнальную науку» — и которые сами в наибольшей степени в нее вовлечены (ранговая корреляция среднего импакт-фактора изданий, в которых опубликованы работы группы поддержки, с импакт-факторами самих поддерживаемых ими фигур составляет 0,557). Для точного соответствия описанным в тексте измерениям оси надо повернуть примерно на 30 градусов против часовой стрелки, как показано пунктирными стрелками на рисунке 3 (многоточное шкалирование реконструирует дистанции между объектами, однако для интерпретации полученных осей иногда оказываются необходимы подобные манипуляции).

Наша визуализация позволяет выдвинуть несколько дополнительных предположений о различиях во вкусах почитателей фигур, оказавшихся над и под горизонтальной осью. Похоже, что в российской экономике «журнальной науке» противостоит то, что можно назвать «газетной наукой». Про все фигуры в верхней части рисунка можно сказать, что они регулярно появляются на страницах деловых газет — в качестве ньюсмейкеров и/или авторов программных статей (про большинство можно сказать, что они появляются там чаще, чем на страницах академической периодики). Это не так в отношении большинства фигур в нижней части (Зубаревич является частичным исключением)¹⁸.

В какой мере наши фан-клубы осведомлены об объектах почитания друг друга и в какой мере они отвергают тех, кто не попадает в группу их фаворитов? На второй волне опроса экономистов был добавлен закрытый вопрос, в котором респондентов просили определиться с отношением к номинациям в качестве авторов, внесших вклад в экономическую науку, — всего 34 фигур, часто называвшихся на предыдущем этапе. Результаты по самым известным фигурам в каждом из модулей приведены в таблице 8 (как видно из табл. 1, известные фигуры распределены весьма неравномерно между нашими модулями, и ни одна из них не обнаруживается среди «Бухгалтеров»; мы добавили, однако, С. М. Гуриева, чье положение среди «Рыночников» на основании автоматических сортировок было более бесспорным, чем у А. А. Аузана).

18. В предыдущей части отчета о данном исследовании, посвященном созданию репутационных рейтингов, отмечалось, что фигуры, сосредоточенные в верхней части графика, — это как раз те экономисты, чье широкое признание не сопровождается высокими показателями цитирования (прежде всего, М. Л. Хазин).

Таблица 6. Соотношение долей несогласных и согласных с оценкой данных фигур как внесших вклад в экономическую науку по модулям (цифра посередине в нижней строке соответствует числу незнакомых с работой соответствующей фигуры)

	Рыночники	Автаркисты	Академики	Регионалисты	Аграрные экономисты	Школа ВШЭ	Бухгалтеры
Алтухов	8,9%/23,2% 55,4%	11,1%/30,0% 51,1%	15,1%/17,0% 64,2%	4,0%/16,0% 64,0%	5,0%/67,5% 12,5%	5,6%/13,9% 72,2%	8,6%/25,7% 54,3%
Аузан	7,2%/63,8% 21,7%	10,6%/43,6% 28,7%	1,8%/44,6% 37,5%	5,5%/58,2% 25,5%	5,7%/40,0% 42,9%	12,8%/66,7% 5,1%	6,1%/33,3% 45,5%
Глазьев	19,7%/63,2% 3,9%	6,0%/83,8% 4,3%	15,8%/68,4% 5,3%	8,3%/72,9% 8,3%	10,0%/80,0% 2,5%	31,9%/48,9% 10,6%	2,9%/65,7% 31,4%
Гуриев	7,5%/67,2% 14,9%	15,2%/39,1% 26,1%	17,5%/49,1% 22,8%	9,4%/56,6% 22,6%	21,9%/40,6% 31,3%	13,2%/55,3% 15,8%	6,7%/33,3% 43,3%
Зубаревич	4,8%/51,6% 35,5%	12,6%/38,9% 36,8%	13,0%/42,6% 35,2%	6,8%/67,8% 15,3%	5,6%/47,2% 36,1%	13,2%/50,0% 23,7%	14,3%/25,0% 53,6%
Капелюшников	6,5%/38,7% 45,2%	9,8%/26,1% 51,1%	6,0%/50,0% 32,0%	5,0%/50,0% 30,0%	8,1%/37,8% 35,1%	2,2%/76,1% 15,2%	3,2%/32,3% 64,5%
Клейнер	6,6%/44,3% 39,3%	9,6%/40,4% 35,1%	6,9%/77,6% 8,6%	6,4%/61,7% 19,1%	5,7%/57,1% 31,4%	4,5%/59,1% 18,2%	0,0%/53,1% 40,6%

На основании этих распределений можно сделать несколько выводов. Ожидаемо уровень осведомленности и поддержки каждой фигуры выше всего в ее модуле. В целом «Бухгалтеры» оказываются наименее осведомлены о том, что происходит за пределами их вселенной, — надо думать, в силу дисциплинарной изолированности. При этом, как и говорилось выше, полупериферийные специальности (например, «Аграрные экономисты») значительно лучше осведомлены о фаворитах центральных аудиторий, чем члены центральных аудиторий — о героях полупериферийных специальностей. Остальные дистанции кажутся отражением позиции групп поддержки в двухмерном пространстве, одно измерение которого противопоставляет «Рыночников» и «Школу ВШЭ», с одной стороны, и «Автаркистов» — с другой, а второе — сугубо академически-ориентированные группы («Академики», «Школа ВШЭ», «Регионалисты») и более активных в политической дискуссии и практике («Рыночники» и «Автаркисты»). Как и на рисунке 3 выше, присутствие второго измерения проявляется, например, в том, что противоположные в смысле политической программы «Автаркисты» и «Рыночники» оказываются в некоторых отношениях в большем согласии относительно того, кто внес вклад в науку, чем политически близкие «Рыночники» и «Школа ВШЭ». Это, видимо, объясняет парадоксальный на первый взгляд результат автоматической группировки, относящей В. А. Мау к автаркистскому лагерю. Некоторая часть респондентов выражала поддержку всем, кто представлял академическую профессию за пределами академического мира, в качестве политических практиков, администраторов высшего образования или медийных экспертов, и в силу этого готовы были номинировать В. А. Мау одновременно с С. Ю. Глазьевым.

В заключение надо вновь отметить, что политическая поляризация, хотя и присутствующая, не настолько сильна, чтобы привести к полному отрицанию заслуг оппонентов. Среди «Рыночников» число согласных с положительной оценкой заслуг С. Ю. Глазьева перед экономической наукой в несколько раз превосходило число несогласных, как и среди «Автаркистов» — согласных с аналогичной оценкой заслуг С. М. Гуриева (аналогичный мирный образ российской экономической науки возникает в: Мальцев, 2016).

Заключение

В этом исследовании мы стремились ответить на вопрос о том, какие факторы — помимо разделяемых всеми стандартов профессиональной работы — влияют на готовность российских экономистов осуществлять публичные жесты признания в отношении друг друга. Мы подошли к ответу на этот вопрос со стороны изучения того, по каким принципам профессиональная аудитория делится на группы, готовые «голосовать» за коллег. Мы обнаружили три основания для подобного деления.

Во-первых, играют роль предметные деления. В силу ли информационной изолированности или субдисциплинарного патриотизма, но ученые-экономисты предпочитают тех, кто работает в одной с ними области. Этот эффект особенно заметен в случае с полуавтономными субдисциплинами, изолированными от экономической науки в более узком смысле этого слова. Вместе с тем и значительная часть тех, кто относится к таким областям, «голосует» за тех, кто занимается мейнстримной экономикой. В этом плане отношения между «мейнстримными» и «немейнстримными» группами экономистов асимметричны. Они образуют центр-периферийную структуру, в центре которой находятся те, чьи области специализации связаны с ядром экономического образования и в особенности — с проблемами макроэкономики и экономической политики, которая является предметом самого широкого общественного интереса. Их работы известны на периферии значительно лучше, чем работы периферии в центре. В этом смысле информационную структуру дисциплины можно сравнить с оперным театром, в котором каждый может рассмотреть соседей по балкону, но находящиеся на главной сцене макроэкономисты видимы для всех, хотя и издали, а подавляющее большинство остальных зрителей невидимо для них.

Вторым измерением дифференциации являются политические предпочтения, которые строятся вокруг выбора ориентации на интеграцию страны в глобальную экономику или на ее страхование от исходящих извне шоков. Эта оппозиция тесно связана с другой — между предпочтением глобальной науки или культивации собственной национальной традиции. Соблазнительно объяснить связь между этими двумя переменными тем, что глобальная — или, во всяком случае, англоязычная — наука как будто предполагает однозначный ответ на этот вопрос: изоляция сдерживает экономический рост. Соответственно, те, кто уверен в ее пре-

восходстве, уверен и в превосходстве соответствующей экономической модели. И наоборот — те, кто предпочитает открытый рынок, предпочитают и науку, которая обосновывает эти предпочтения. Это объяснение, однако, небесспорно: более раннее исследование обнаружило аналогичную корреляцию между интеллектуальным глобализмом и политическим либерализмом и среди российских социологов (Sokolov, 2019), несмотря на то что состоящая из множества течений и школ западная социология и не предлагает никаких общих политических рецептов.

Третьим измерением, дифференцирующим оценки российских экономистов, являются представления об экономике как преимущественно академической дисциплине, коммуницирующей с помощью статей в специализированных журналах, или о граничащем с практической политикой и существующем на страницах деловых газет занятии. Те, кто голосовал за верхнюю часть рисунка 3, могли отличаться от тех, кто голосовал за нижнюю, своим пониманием «вклада в экономическую науку». Первые могли признавать за таковой общественное просвещение, выступление в массмедиа и участие в выработке экономической политики, а вторые — считать, что этот вклад существует только в форме статей в рецензируемых журналах с высоким импакт-фактором.

Анализ истоков этих представлений выходит за пределы данной статьи. Кажется существенным, однако, что те, кто сам пишет такие статьи, склонны придерживаться второй точки зрения и называть преимущественно других ученых с высоким импакт-фактором. Можно предполагать, что, если предыдущее измерение отражает различия в политических пристрастиях, то данное — в статусных характеристиках, соответствующих различиям в квалификации. Те, кто предпочитает газетную науку, иногда делают это, поскольку не могут читать статьи в ведущих журналах из-за сложного математического аппарата и специализированной терминологии (Libman, Zweynert, 2019). Поэтому они предпочитают авторов, которые говорят на понятном им языке и на значимые для них темы. И, наоборот, те, кто может читать и писать подобные статьи, демонстративно отказываются потреблять слишком доступные интеллектуальные продукты. Ближайшей аналогией здесь будет роль культурного потребления, какой та описана, в частности, в работах Пьера Бурдьё и других социологов культуры. Высокая культура в современных обществах, говорит Бурдьё, служит для того, чтобы противопоставить владеющие сложными культурными кодами высшие классы не владеющим ими низшим. Низшие классы вынуждены ограничивать свой культурный рацион понятным и «красивым» — в самом простом обывательском смысле — искусством. По этой же причине высшие культивируют в себе презрение к нему, предпочитая Айвазовскому Мондриана¹⁹. В академическом мире борьба между этими противоположностями

19. Характерны в этом смысле более высокие показатели включенности в журнальную науку среди экономистов, живущих в Москве и работающих в крупнейших академических организациях, по сравнению со среднероссийскими (так, для живущих в Москве экономистов средний импакт-фактор выбранного для публикации журнала составляет 0,526, при аналогичном показателе по России 0,410). Те, кто работает в богатой ресурсами среде, имеют более высокие показатели. Кроме того, цитатные показатели выше у тех, кто окончил среднюю школу в Москве и чьи родители имели ученую степень

является борьбой за определение границ профессионального поля, при которой каждая из сторон отрицает, что продукты, воспринимаемые другой стороной, вообще являются экономической наукой («журнальная» упрекает «газетную» в том, что она недостаточно научная, та ее — что она является разделом математики, оторванной от реальной жизни).

Предельно огрубляя, из наших крупнейших сегментов, «Автаркисты» представляют локалистскую (и в смысле экономической автаркии, и в смысле интеллектуальной самодостаточности) и «газетную» науку, «Рыночники» — глобалистскую и «газетную», «Школа ВШЭ» — глобалистскую и «журнальную», «Академики» — скорее «журнальную» и близкую к политическому центру, «Регионалисты» похожи на «Академиков», но с выраженной тематической специализацией, а «Аграрные экономисты» занимают промежуточную позицию между «Регионалистами» и «Автаркистами»²⁰.

Предпочтения представителей всех этих групп, вероятно, отражают разные сочетания коммуникативных, эпистемических и политических факторов. Можно предполагать, что на выбор авторитетных фигур «Бухгалтерами» и «Аграрными экономистами» (и в меньшей степени «Регионалистами» и «Школой ВШЭ») оказали влияние коммуникативные факторы — ограничение пространств внимания пределами своей субдисциплины. С другой стороны, роль могли играть и политические мотивы — желание поддержать представителей своей специальности. Политические, хотя и в несколько ином смысле, мотивы могли двигать и теми, кто голосовал за «журнальную» («Школа ВШЭ», «Академики») или «газетную» («Рыночники», «Автаркисты») науку. Их выбор мог диктоваться желанием легитимировать собственный стиль профессиональной жизни. Наконец, выбор в пользу рыночно- и автаркически-ориентированных экономистов мог также быть политическим, но в еще одном, третьем, смысле. Здесь речь могла идти о поддержке собственного общеполитического лагеря (что не исключает, разумеется, и существования эпистемической культуры, которая обосновывает некоторые общеполитические предпочтения). Далее, любое из этих предпочтений могло привести к появлению своего рода «информационного пузыря», в котором внимание уделялось только тем, кто разделяет похожие взгляды, и в этом смысле коммуникативные факторы должны были консолидировать и усиливать влияние политических.

Решение присоединиться к тому или иному фан-клубу могло быть, таким образом, продиктовано большим количеством разнообразных факторов. Однако, каков бы ни был их точный список, существование подобной структуры аудитории

(при этом связи этих биографических параметров с какими-либо опросными шкалами не зафиксировано).

20. Интересно сравнить эту картину с наблюдающейся у социологов и политологов (Сафонова, Соколов, 2021; Агафонов, Соколов, 2023). Противостояние академического локализма и глобализма присутствует во всех дисциплинах, однако в других социальных науках оно отчетливо коррелирует с возрастом, чего мы не наблюдаем у экономистов. Политологи похожи на экономистов наличием выраженной оппозиции между журнальной и газетной наукой. Ее отсутствие у социологов может объясняться тем, что социологов с преимущественно медийной репутацией вообще немного.

показывает, что критерии оценки научных заслуг, применяемые российскими экономистами, далеки от универсально разделяемых. Мы не нашли, однако, следов предельной поляризации, в которой царил бы «война всех против всех», и группы полностью отрицали бы заслуги лидеров друг друга. Консенсус ли по поводу каких-то интеллектуальных достижений или общие представления об интересах профессии стоят за этим («журнальные» ученые заинтересованы в том влиянии на умы широкой аудитории и политиков, которые экономике обеспечивают ученые «газетные»), но российские экономисты в конце 2021 года обнаруживали значительную степень толерантности по отношению к объектам почитания друг друга.

Литература

- Агафонов Ю. А., Соколов М. М.* (2023). Российская политология в 2021 году: Социальный и интеллектуальный ландшафт // ПОЛИС. Политические исследования. № 2. С. 54-71.
- Белянин А. В., Бессонов В. А.* (2011). О российской экономической науке и научном сообществе // Экономический журнал ВШЭ. Т. 15. № 2. С. 265-268.
- Мальцев А. А.* (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. № 11. С. 135-158.
- Сафонова М. А., Соколов М. М.* (2021). Структура поля российской социологии-2020 // Социологические исследования. № 11. С. 91-105.
- Соколов М. М.* (2021). Наука как церемониальный обмен: теория пространств внимания, академического статуса и символической борьбы // Социологическое обозрение. № 20(3). С. 9-42.
- Соколов М. М.* (2020). За пределами Хирш-индекса: статусные сигналы среди российских ученых // Библиосфера. № 4. С. 11-20.
- Соколов М. М., Чечик Е. А.* (2022). Академические репутации российских экономистов и их наукометрические оценки // Вопросы экономики. № 11. С. 117-135.
- Abbott A.* (2019). Career stage and publication in American academia // Sociologia, Problemas e Práticas. Vol. 90. № 1. P. 9-30.
- Clemens E., Powell W., McIlwaine K., Okamoto D.* (1995). Careers in Print: Books, Journals, and Scholarly Reputations. // The American Journal of Sociology. Vol. 101. № 2. P. 433-494.
- Colander D., Klammer A.* (1987). The making of an economist // Journal of Economic Perspectives. Vol. 1. № 2. P. 95-111.
- Cronin B.* (1998). Metatheorizing citation // Scientometrics. Vol. 43. № 1. P. 45-55.
- Davis W. L.* (1997). Economists' perceptions of their own research: A survey of the profession // American Journal of Economics and Sociology. Vol. 56. № 2. P. 159-172.
- De Benedictis L., Di Maio M.* (2011). Economists' views about the economy. Evidence from a survey of Italian economists // Rivista Italiana degli Economisti. Vol. 16. № 1. P. 37-84.

- Goffman E.* (1963). *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. Glencoe: The Free Press.
- Goffman E.* (1967). *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Doubleday Anchor.
- Gouldner A.* (1970). *The Coming Crisis of Western Sociology*. London: Heineman.
- Grubel H. G., Boland L. A.* (1986). On the efficient use of mathematics in economics: Some theory, facts and results of an opinion survey // *Kyklos*. Vol. 39. № 3. P. 419-442.
- Fourcade M.* (2009). *Economists and Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Fuller D., Geide-Stevenson D.* (2007). Consensus on economic issues: a survey of Republicans, Democrats and economists // *Eastern Economic Journal*. Vol. 33. № 1. P. 81-94.
- Javdani M., Chang H. J.* (2019). Who said or what said? Estimating ideological bias in views among economists // *IZA Discussion Papers*. № 127382019.
- Klamer A., van Dalen H. P.* (2002). Attention and the art of scientific publishing // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 9. № 3. P. 285-315.
- Knorr-Cetina K. D.* (1991). Epistemic cultures: Forms of reason in science // *History of Political Economy*. Vol. 23. № 1. P. 105-122.
- Lamont M.* (2009). *How Professors Think. Inside the Curious World of Academic Judgment*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Libman A., Zweynert J.* (2019). Ceremonial science: The state of Russian economics seen through the lens of the work of 'Doctor of Science' candidates // *Economic Systems*. Vol. 38. № 3. P. 360-378.
- Lundberg S., Stearns J.* (2019). Women in economics: Stalled progress // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 33. № 1. P. 3-22.
- MacKenzie D.* (1978). Statistical theory and social interests: A case-study // *Social Studies of Science*. № 1. P. 35-83.
- Mayer T.* (2001). The role of ideology in disagreements among economists: A quantitative analysis // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 8. № 2. P. 253-273.
- Merton R. K.* (1968). The Matthew Effect in Science // *Science*. Vol. 159. № 3810. P. 56-63.
- Merton R. K.* (1988). The Matthew effect in science, II: Cumulative advantage and the symbolism of intellectual property // *Isis*. Vol. 79. № 4. P. 606-623.
- Newman M. E.* (2006). Modularity and community structure in networks // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 103. № 23. P. 8577-8582.
- Polanyi M., Ziman J., Fuller S.* (1962). The republic of science: its political and economic theory // *Minerva*. Vol. 1. № 1. P. 54-73.
- Sokolov M.* (2023). The art of ignoring others' work among academics. A guessing game model of scholarly information search. // *Social Studies of Science*. Vol. 53. № 2. P. 300-312.
- Sokolov M.* (2019). The sources of academic localism and globalism in Russian sociology: The choice of professional ideologies and occupational niches among social scientists // *Current Sociology*. Vol. 67. № 6. P. 818-837.
- Stephan P. E.* (1996). The economics of science // *Journal of Economic Literature*. Vol. 34. № 3. P. 1199-1235.

Stinchcombe A.L. Making a Living in Sociology in the 21st Century (and the Intellectual Consequences of Making a Living) // *Berkeley Journal of Sociology*. Vol. 44. P. 4-14.

Whitley R. (1984). *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. Oxford and New York: The Clarendon Press, Oxford University Press.

van Dalen H., Henkens K. (2005). Signals in science — On the importance of signaling in gaining attention in science // *Scientometrics*. Vol. 64. № 1. P. 209-233.

Economists and Their Fan-clubs: The Distribution of Recognition in Russian Economic Science

Mikhail Sokolov

Candidate of Sociological Sciences, Professor, European University at St.Petersburg

Address: Gagarinskaya 6/1a, St.Petersburg, 191187, Russian Federation

E-mail: msokolov@eu.spb.ru

Maria Safonova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, HSE University

Address: 55a Sedova str., St.Petersburg, 192171, Russian Federation

E-mail: safonovam@yandex.ru

What determines whether economists regard their colleagues' work as "important" or "meaningful"? While the normative answer is that professional recognition is based solely on the quality of published work, the sociology of science has uncovered other, potentially more insidious factors that influence the conferral of recognition. In this paper, we present the results of a reputation survey of 3563 Russian economists, aimed at identifying the factors that predict the nomination of certain figures as "making an important contribution to economic science". Our analysis reveals that the most significant predictor of recognition is specialization, particularly in relatively autonomous fields classified in Russia as branches of economics (such as accounting and agrarian economics). Votes were predominantly cast for other specialists in the same field, despite the survey request that participants name those who had made important contributions to Russian economics in general. Other factors influencing voting included (1) orientation towards academic localism or globalism, and the associated inclination to open market economy vs. autarchic national economic systems, and (2) the definition of "contribution to economic sciences" as purely academic or inclusive of participation in policy-making and public debates (borrowing from Ludvik Fleck, one can define the latter dimension as an opposition between "journal" and "newspaper" science). Although our findings reveal marked polarization, we do not find evidence of a total rejection of contributions by authors on other sides of intra-disciplinary divides.

Keywords: sociology of economics, sociology of science, economics in Russia, academic reputation, professional recognition

References

Abbott A. (2019) Career stage and publication in American academia. *Sociologia, Problemas e Práticas*, vol. 90, no 1, pp. 9–30.

Agafonov Yu.A., Sokolov M.M. (2023) Rossiyskaya politologiya v 2021 godu: Sotsial'nyy i intellektual'nyy landshaft. [Russian Political Science in 2021: Social and Intellectual Landscape]. *POLIS: Politicheskiye issledovaniya*, no 2, pp. 54-71. (In Russian)

- Belyanin A. V., Bessonov V. A. (2011) O rossiyskoy ekonomicheskoy nauke i nauchnom soobshchestve [On Russian Economic Science and the Scientific Community]. *Ekonomicheskiy zhurnal VShE*, vol. 15, no 2, pp. 265–268. (In Russian)
- Clemens E., Powell W., McIlwaine K., Okamoto D. (1995) Careers in Print: Books, Journals, and Scholarly Reputations. *The American Journal of Sociology*, vol. 101, no 2, pp. 433–494.
- Colander D., Klamer A. (1987) The making of an economist. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 1, no 2, pp. 95–111.
- Cronin B. (1998) Metatheorizing citation. *Scientometrics*, vol. 43, no 1, pp. 45–55.
- Davis W. L. (1997) Economists' perceptions of their own research: A survey of the profession. *American Journal of Economics and Sociology*, vol. 56, no 2, pp. 159–172.
- De Benedictis L., Di Maio M. (2011) Economists' views about the economy. Evidence from a survey of Italian economists. *Rivista Italiana degli Economisti*, vol. 16, no 1, pp. 37–84.
- Fourcade M. (2009) *Economists and Societies*, Princeton: Princeton University Press.
- Fuller D., Geide-Stevenson D. (2007) Consensus on economic issues: a survey of Republicans, Democrats and economists. *Eastern Economic Journal*, vol. 33, no 1, pp. 81–94.
- Goffman E. (1963) *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*, Glencoe: The Free Press.
- Goffman E. (1967) *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*, New York: Doubleday Anchor.
- Gouldner A. (1970) *The Coming Crisis of Western Sociology*, New York: Basic Books.
- Javdani M., Chang H. J. (2019) Who said or what said? Estimating ideological bias in views among economists. *IZA Discussion Papers*, no 127382019.
- Klamer A., van Dalen H. P. (2002) Attention and the art of scientific publishing. *Journal of Economic Methodology*, vol. 9, no 3, pp. 285–315.
- Knorr-Cetina K. D. (1991) Epistemic cultures: Forms of reason in science. *History of Political Economy*, vol. 23, no 1, pp. 105–122.
- Libman A., Zweynert J. (2019) Ceremonial science: The state of Russian economics seen through the lens of the work of 'Doctor of Science' candidates. *Economic Systems*, vol. 38, no 3, pp. 360–378.
- Lundberg S., Stearns J. (2019) Women in economics: Stalled progress. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no 1, pp. 3–22.
- MacKenzie D. (1978) Statistical theory and social interests: A case-study. *Social Studies of Science*, no 1, pp. 35–83.
- Maltsev A. A. (2016) Rossiyskoe soobshchestvo ekonomistov: osobennosti i perspektivy [Russian Community of Economists: Characteristics and Perspectives]. *Voprosy ekonomiki*, no 11, pp. 135–158. (In Russian)
- Mayer T. (2001) The role of ideology in disagreements among economists: A quantitative analysis. *Journal of Economic Methodology*, vol. 8, no 2, pp. 253–273.
- Merton R. K. (1968) The Matthew Effect in Science. *Science*, vol. 159, no 3810, pp. 56–63.

- Merton R. K. (1988) The Matthew effect in science, II: Cumulative advantage and the symbolism of intellectual property. *Isis*, vol. 79, no 4, pp. 606-623.
- Newman M. E. (2006) Modularity and community structure in networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 103, no 23, pp. 8577-8582.
- Polanyi M., Ziman J., Fuller S. (1962) The republic of science: its political and economic theory. *Minerva*, vol.1, no 1, pp. 54-73.
- Stephan P. E. (1996) The economics of science. *Journal of Economic Literature*, vol. 34, no 3, pp. 1199-1235.
- Safonova M. A., Sokolov M. M. (2021) Struktura polya rossiyskoy sotsiologii — 2020. [The Structure of the Field of Russian Sociology — 2020]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 11, pp. 91-105. (In Russian)
- Sokolov M. (2019) The sources of academic localism and globalism in Russian sociology: The choice of professional ideologies and occupational niches among social scientists. *Current Sociology*, vol. 67, no 6, pp. 818-837.
- Sokolov M. M. (2020) Za predelami Hirsh-indeksa: statusnye signaly sredi rossiyskikh uchenykh. [Beyond the Hirsch Index: Status Signals Among Russian Scientists]. *Bibliosfera*, no 4, pp. 11-20. (In Russian)
- Sokolov M. M. (2021) Nauka kak tseremonial'nyy obmen: teoriya prostranstv vnimaniya, akademicheskogo statusa i simvolicheskoy bor'by. [Science as Ceremonial Exchange: The Theory of Attention Spaces, Academic Status, and Symbolic Struggle]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 20, no 3, pp. 9-42. (In Russian)
- Sokolov M. (2023) The art of ignoring others' work among academics. A guessing game model of scholarly information search. *Social Studies of Science*, vol. 53, no 2, pp. 300-312.
- Sokolov M. M., Chechik E. A. (2022) 'Akademicheskoye reputatsii rossiyskikh ekonomistov i ikh naukometricheskiye otsenki.' [Academic Reputations of Russian Economists and Their Scientometric Assessments]. *Voprosy ekonomiki*, no 11, pp. 117-135.
- Stinchcombe A. L. (1999) Making a Living in Sociology in the 21st Century (and the Intellectual Consequences of Making a Living). *Berkeley Journal of Sociology*, vol. 44, pp. 4-14.
- van Dalen H., Henkens K. (2005) Signals in science — On the importance of signaling in gaining attention in science. *Scientometrics*, vol. 64, no 1, pp. 209-233.
- Whitley R. (1984) *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*, Oxford and New York: The Clarendon Press, Oxford University Press.

Приложение 1. Шкала академического глобализма-локализма

	Полностью не согласен				Полностью согласен
Российским экономистам следует стремиться к сохранению и развитию национальной традиции в экономической науке.	9.0	8.3	26.2	22.0	34.4
В области наук о человеке и обществе приоритет при оценке исследовательских достижений российских ученых должен быть отдан публикациями на русском языке	10.1	10.3	22.0	19.3	38.4
В своих исследованиях экономистам сегодня надо больше думать об описании фундаментальных принципов устройства общества, а не о решении проблем конкретных стран или предприятий.	19.1	15.9	34.1	15.3	15.6
Теории, созданные западными экономистами, многого не объясняют в российской жизни; нужно работать с собственными теоретическими моделями.	8.7	11.9	23.2	25.0	31.2
Эгоистичный и рациональный homo economicus представляет собой искаженную картину человеческой природы и в основном бесполезен для объяснения поведения в реальном мире.	12.1	17.1	31.2	19.7	19.8
Средний методический уровень статей в ведущих англоязычных журналах значительно выше, чем в ведущих российских, и молодых ученых следует учить ориентироваться на него.	22.9	15.9	24.3	20.2	16.7
Экономическое образование должно быть скорее ориентировано на передачу студентам прикладных знаний о том, как управлять предприятием или национальной экономикой, чем на трансляцию абстрактных теоретических моделей.	12.8	13.9	28.5	21.4	23.4
Проводя исследования, экономисты должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства.	8.3	7.0	15.3	20.4	49.0
Многие достижения советской политэкономии были незаслуженно забыты в последующие годы.	6.0	8.0	21.0	22.3	42.7

По культурным и историческим причинам различий между тем, как устроены экономики разных стран, больше, чем сходств, поэтому рецепты экономической политики, разработанные для одних стран, чаще всего неприменимы в других.	4.7	12.4	26.8	31.8	24.3
Школьнику, который хотел бы заниматься экономической наукой, можно порекомендовать поступить в бакалавриат на физико-математические специальности, а перейти к изучению собственно экономики уже в магистратуре.	33.0	17.0	19.4	16.9	13.7
Говоря в целом, можно сказать, что сегодня мировая экономическая наука находится в глубоком кризисе.	14.2	21.4	28.8	20.1	15.5

Приложение 2. Шкала экономической открытости vs. автаркии

	Полностью не согласен				Полностью согласен
Центральный банк должен стремиться к снижению уровня инфляции; вопросами экономического роста или снижения безработицы должно заниматься правительство	11.1	10.8	20.3	28.8	29.0
Рост бюджетного дефицита всегда оказывает негативное воздействие на экономику	13.1	20.6	32.5	19.5	14.3
Приватизация государственных предприятий как правило повышает эффективность их деятельности	23.5	21.8	29.7	15.6	9.4
Снижение налогового бремени на доходы от капитала содействует экономическому росту	7.9	11.7	33.5	30.9	16.0
Производительность труда повышается, если рабочие могут непосредственно участвовать в управлении предприятием	6.8	14.8	26.4	30.4	21.6
Свободная рыночная экономика ведет к росту гендерной дискриминации.	30.2	26.8	22.3	13.5	7.1
Различия возраста выхода на пенсию для мужчин и для женщин экономически обоснованны	17.6	14.7	17.0	23.9	26.7
Пошлины и нетарифные барьеры для внешней торговли ведут к снижению экономического благосостояния	10.3	15.5	34.4	24.0	15.8
Дефицит внешнеторгового баланса оказывает негативное влияние на экономику	3.4	10.9	32.4	33.3	20.0

Введение определенных ограничений на трансграничное движение капитала необходимо для обеспечения экономической стабильности	4.6	9.8	25.3	37.0	23.3
Для экономического развития оптимальным является низкий уровень государственного и частного внешнего долга	6.5	13.6	35.8	27.2	16.9
Экономические санкции против России являются формой недобросовестной конкуренции со стороны западных стран, стремящихся под благовидным предлогом сдержать экономическое развитие нашей страны	10.8	7.3	13.0	21.3	47.6
Россия скорее выиграла, чем проиграла от вступления в ВТО.	18.1	20.4	32.9	19.0	9.7
Евразийская интеграция содействует экономическому развитию России.	4.0	7.5	24.1	37.9	26.5
Россия выиграла от согласия на списание долгов бедных стран.	25.1	25.8	32.8	10.8	5.5
Трудовая миграция из стран постсоветской Евразии создает больше преимуществ, чем проблем для России	18.6	23.6	27.1	21.4	9.3
Повышение пенсионного возраста в России являлось неизбежной мерой.	37.0	18.5	12.0	18.5	14.1
Важнейшей целью российского правительства должно быть снижение уровня неравенства	3.2	6.7	13.9	25.2	51.0
Защита окружающей среды должна быть приоритетной, даже если это приведет к замедлению экономического роста	7.5	12.0	31.6	26.8	22.1
Экономически Россия безусловно выиграла бы, в одностороннем порядке отменив введенные в 2014 году контрсанкции	24.4	21.3	25.9	13.8	14.6
Полный отказ от идеи плановой экономики и форсированный переход к рынку в 90-х были ошибкой	11.3	9.9	17.5	22.3	39.0
Доля частной собственности в бизнесе и производстве должна быть увеличена	13.9	17.8	26.3	21.2	20.8